

его окружали: «8/21. VI. 21. Париж. Сон, дикий сон! Давно-ли все это было – сила, богатство, полнота жизни – и все это было наше, наш дом, Россия! Полтава, городской сад. Екатер[инослав], Севастополь, залив, Графская пристань; блестящие морск. офицеры и матросы, длинная шлюпка в десять гребцов...» [Бунин 1977: URL].

Но не стоит здесь упускать то, что к перечислениям прибавлено нечто новое. Его воспоминания стремятся, если можно так сказать, обрести отдельную действительность с помощью присоединения личных переживаний. Это – чувственная материя происходящего, ощущения, выраженные в отрывке риторическими восклицаниями и многоточиями. Такой синтез здесь проявляет классическую формулу для сновидения по Бергсону [Бергсон 1999: 991–992].

Сопоставляя дневниковые записи Бунина и роман «Жизнь Арсеньева», мы ярче, точнее понимаем мироощущение художника, ощущаем близкую связь писателя со своим литературным героем, которая раскрывается при помощи общих взглядов на жизнь, на явления действительности, сформированных с позиции вечного.

Литература

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С.234–407.

Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память: Пер. с фр. – Мн.: Харвест, 1999.

Бунин И. А. Собрание сочинений в девяти томах. Том 6. Жизнь Арсеньева М.: Художественная литература, 1966.

Бунин И. А. Устами Буниных. Том 1 / под ред. М. Грин. М.: Посев, 1977. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1810-1.shtml (дата обращения: 19.03.2021)

Бунин И. А. Устами Буниных. Том 2 / под ред. М. Грин. М.: Посев, 1977. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_1810-2.shtml (дата обращения: 19.03.2021)

Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870–1953 / Ю. Мальцев. М.: Посев, 1994.

Михайлов О. Н. Жизнь Бунина. Лишь слову жизнь дана... М.: Центрполиграф, 2001.

Роцин М. М. Иван Бунин. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 2000.

Evgrafova A. A. I. A. Bunin's Diaries as the context of the novel «The Life of Arsenyev»

Abstract: the article is devoted to the comparison of the diary entries of I. A. Bunin and his novel «The Life of Arsenyev». Based on the material of the biographical context of the writer and on the novel «The Life of Arsenyev», as well as on the philosophical ideas of the French thinker A. Bergson, the worldview of I. Bunin and A. Arsenyev is studied. It is revealed in the experience of sensory cognition, which has a subjective-associative character. The article shows the intentional nature of Bunin's artistic thinking, the writer's special perception of the past as a kind of identity with the present, and also examines the dream in its possibility of expanding human consciousness.

Keywords: I. A. Bunin, A. Bergson, biographical context, novel, intentionality, reality, dream.

И. Д. Осипов

(научный руководитель – доктор филологических наук И. В. Дергачева)

Московский государственный институт культуры

Москва, Россия

«Целую Вас нежно. Зовите меня Мариной» (Герменевтический анализ эпистолярного наследия Марины Цветаевой)

Аннотация: В статье предпринят герменевтический анализ писем М. Цветаевой к Вере Буниной. Эта переписка является важным источником интерпретации автобиографической прозы Цветаевой. Показаны мифологическая, философская, интеллектуальная составляющая писем, их преломление в мемуарной и автобиографической прозе поэта, с целью составить более подробное представление об образе автора.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, М. Цветаева, переписка, герменевтический анализ.

«Мы не в изгнании – мы в послании» [Ходасевич 1997: 471], – объявили русские эмигранты первой волны. Быть в послании – значит быть посланным куда-то, по какому-то делу, с какой-то целью. Многие из философов, художников, композиторов и писателей видели в своей эмиграции историческую миссию, они в меру своих сил старались открывать русскую культуру Европе, всему миру. Русские эмигранты первой волны взяли на себя служение «русской идее», несмотря на то что Запад, западная культура не были предрасположены к ней. Однако следует отметить, что Марина Цветаева никогда не поддавалась этой идее, более того, она никогда не заходила так далеко, чтобы видеть в себе «Светского спасителя», чьи творения в малом масштабе призваны помочь снять мировое проклятие, на которое так надеялся «мир без святости» [Гадамер 1988: 33].

Объемная переписка Цветаевой – самый надежный источник сведений о ее ссылке, не будем забывать и об автобиографической прозе, например, «Доме старого Пимена», возвращающей нас в ее детство, объясняющей многие истоки ее идей, мыслей и нравственных установок. Письма к Вере Николаевне Буниной имеют особое значение, потому что они наполнены любовью, помогают восстановить судьбу семьи Иловайских и, главное, осмыслить трагическую историю семьи. Ранее исследования в этой области проводились Муратовой Е. Ю., Полехиной М. М., Козновой Н. Н.

Исследуя письма Марины Цветаевой к Вере Николаевне Буниной, мы можем сделать важный вывод о личном отношении поэта к общению, в основе которого, по ее мнению, лежит «взаимная нуждаемость» для нее, «для слова (а следовательно, для человека) нет ничего страшнее безответности». И здесь, как ни странно, можно провести прямую аналогию с герменевтикой М. Бахтина, который пишет, что слово «всегда хочет быть услышанным, всегда ищет ответного понимания» [Бахтин 1979: 306]. Письма к Вере Буниной следует читать именно с этой точки зрения, их этически живущий человек, нравственная личность, которая хочет быть услышанной.

Существует три варианта герменевтической интерпретации текста в письмах: 1) эстетический (в данном случае разница между монографией и художественной литературой), 2) исторический (история семьи Иловайских), 3) лингвистический (понимание себя и другого в языке).

Рассмотрим первый вариант интерпретации. Сама Цветаева выступает за живые воспоминания в противовес художественному вымыслу. Так, она пишет: «...живое, ЖИВЬЕ, т. е. по мне тысячу раз ценнее художественного произведения, где все переиначено, пригнано, неузнаваемо, искачено. (Поймите меня правильно: я говорю об “использовании” (гнусно слово и дело!) живого. Вашего Иловайского например – для романа, где он будет героем: с другим именем и своей внешностью, не у старого Пимена, а у Флора и Лавра, и т. д. Так делали Гонкуры, дневник которых я люблю, как Свой, вернее чувствую своим (т. е. ЖИВЫМ), а романы которых, сплошь построенные на видоизмененной правде, забываю тут же после прочтения и даже до прочтения – шучу конечно – не забываю, а хуже: на каждом шагу изобличаю авторов в краже – у себя же, т. е. у живой жизни и у живого опыта. Преобразать (поэт) одно, “использовать” другое. Какая длинная скобка! Какова цель (Ваших писаний и моих о людях)? ВОСКРЕСИТЬ. Увидеть самой и дать увидеть другим...» [Цветаева 1995: 247]. Из данных строк можно сделать микровывод о том, что сама Цветаева открыто говорит нам о том, что все, что

происходит в ее художественных произведениях имеет «живую» основу, а следовательно, напрямую является эго-текстом, жизнеописанием поэта.

Обращаясь к историческому варианту, следует отметить, что Цветаева пишет автобиографическую прозу, точка зрения которой связана с историей одной семьи: частной сферой исторического бытия, представляющей собой семейный микромир. Чтобы быть, по ее словам, историком микромира семьи Иловайских, никогда нельзя деформировать факты, а только интерпретировать, толковать их. Цветаева, в свою очередь, осмысляет все эмоционально, но, к собственному огорчению, почти ничего достоверно. Она полагается на память и заполняет пробелы любовью. В истории семьи видит только то, что хочет видеть, и, очевидно, остается недовольной этой ситуацией: «Это жизнь мне мстит за мои глаза, ничего не видящие, ничего не хотящие видеть, видящие свое» [Цветаева 1995: 250].

«Я хочу воскресить весь тот мир – что все они не даром жили – и чтобы я не даром жила!» – читаем в одном из писем, адресованном Вере Буниной [Цветаева 1995: 250]. В самом деле, идет речь о том, что из жителей дома уже никого нет в живых, и смерть, как во многих цветаевских текстах, и здесь придаст особую перспективу тексту. В этих письмах Цветаева не только прощается с ушедшими из жизни, но и одновременно с исторической эпохой, к которой она относится с теплотой воспоминающего, и с тем сознанием, что уход образа жизни и привязанные к нему мышление и поведение были необходимы. Цветаеву как пишущего историю семьи микроисторика мотивирует прежде всего потребность понимания, то есть что, как и почему произошло. Понимая историю жизни членов семьи как событие судьбы, она становится выше более узкой перспективы истории семьи. Она понимает Историю с большой буквы.

Переписку Цветаевой, ее мемуарную прозу, в том числе и «Дом у старого Пимена», можно читать и как психоаналитическое, и как философское эссе. В теоретических работах о мемуарной прозе поэта мы находим мысль, что она представляет собой некий мемуарный метажанр, одной из модификаций которого являются воспоминания, реализуемые из двух временных измерений: «тогда» и «теперь». Таким образом, в письмах Цветаевой к Вере Буниной два временных измерения сосуществуют друг с другом: прошлое, в котором восстанавливается детство, и настоящее, которое определяет авторское присутствие и в котором осуществляются и понимание эмигрантского бытия, самопонимание и взаимопонимание Веры Николаевны с Цветаевой.

Невозможно отрицать важность вклада писем Вере Буниной в автобиографическую прозу Цветаевой. В сборнике «После России» мы читаем следующее послание: «Вере Муромцевой, одних со мной корней» [Цветаева 1995: 299]. Эти общие корни восходят к дому Иловайских, так как Надя, дочь историка, и Вера Муромцева были подругами. Общие корни, определяющие целостность переписки, имеют двойное значение: с одной стороны, они уточняют биографические факты и в этом отношении соответствуют нашим ожиданиям относительно исторической правды, а с другой и это, пожалуй, важнее, помогают воспоминающим реконструировать достоверный психологический задний план. Знание того, что корни одни и те же, означает еще и то, что они черпают из общего колодца памяти, а это есть для них душевная опора: «Этих времен никто не знает, не помнит, Вы мне возвращаете меня тех лет незапамятных, допотопных... Я там никогда не бываю, живу свой день, в холоде, в заботе и жесткости и вдруг «Sesam, thue dich auf» [Цветаева 1995: 237]. Из отрывка письма звучит голос благодарности за то, что Вера Николаевна знает и помнит те времена, которые, с некоторым преувеличением, уже погрузились во мрак забвения.

Таким образом, мы можем сделать важнейший вывод о личности Цветаевой. Обращение к переписке позволяет убедиться в том, что для поэта в повествовательной модальности важнейшую роль играет не воспоминание о прошлом (ведь что было, «кончилось навсегда»), а история, происходящая в настоящем. При этом Цветаева убеждена, что человек, переживший трагическое время, должен понять то, что с ним

случилось, чтобы уничтожить образы прошлого, чтобы продолжать жить сейчас, а все, что было «тогда» отныне навсегда останется лишь в сознании. «Слушайте, – пишет она Вере Муромцевой. – Ведь все это кончилось. Навсегда. Наши трехпрудные тополя, особенно один, гигант, собственноручно посаженный отцом в день рождения первого и единственного сына – деревьев – нет. Нас тех – нет. Все сгорело дотла, затонуло до дна. Что есть – есть внутри: Вас, меня. Аси, еще нескольких» [Цветаева 1995: 243].

Литература

- Бахтин М.* Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979.
- Гадамер Х.-Г.* Истина и Метод. М. : Прогресс, 1988.
- Слоним М.* О Марине Цветаевой. Марина Цветаева в воспоминаниях современников. Годы эмиграции. М. : АГРАФ, 2002.
- Ходасевич В.* Колеблемый треножник. М. : Сов. писатель, 1991.
- Цветаева М.* Собрание сочинений : В 7 томах. Т. 7: Письма / [сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина]. М. : Эллис Лак, 1995.
- Цветаева М. Пастернак Б.* Души начинают видеть. Письма 1922–1936 годов. М. : Вагриус, 2004.
- Эфрон А.* Одиночество Марины Цветаевой // Марина Цветаева в воспоминаниях современников. Годы эмиграции. М. : АГРАФ, 2002.

Osipov I. D. «Kiss you gently. Call me Marina» (Hermeneutical analysis of Marina Tsvetaeva's epistolary heritage)

Abstract: the article undertakes a hermeneutic analysis of M. Tsvetaeva's letters to Vera Bunina. This correspondence is an important source of interpretation of Tsvetaeva's autobiographical prose. The author characterizes the mythological, philosophical, intellectual elements of the letters, and their reflection in the poet's memoir and autobiographical prose.

Key words: Russian literature abroad, M. Tsvetaeva, correspondence, hermeneutic analysis

Ян Юйбин

(научный руководитель – доктор филологических наук Е. Е. Приказчикова)

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

П. П. Бажов о жанре сказа (на материале эпистолярный писателя)

Аннотация: в статье рассмотрены взгляды П. П. Бажова на жанр сказа на материале эпистолярный писателя 1940-х гг. Среди важных тем, поднимаемых в переписке писателя, выделяются следующие проблемы: фольклорная и литературная составляющая сказов; место «сказовой» детали; «уральская» лексика сказов; авторский план при создании сказовой прозы; отношение писателя к изучению его творчества, к критике профессиональных исследователей. Особое место в статье занимает тема «современности/несовременности» сказовой прозы П. П. Бажова в послевоенной литературе СССР.

Ключевые слова: П. П. Бажов, эпистолярный, сказ, горнозаводской фольклор, жанровая природа сказов

Жанровая природа сказов П. П. Бажова до настоящего времени остается не до конца исследованной литературоведческой проблемой. Этому способствуют несколько обстоятельств. Во-первых, бажовское понимание сказа во многом отличалось от классической жанровой характеристики сказа, сформировавшейся на основе